

ЕКАТЕРИНА
МОРДВИНЦЕВА

Екатерина Мордвинцева

Хроники мстительницы.

Приговор из прошлого

<https://litres.ru/74211459>

Аннотация

Меня убили в день моего двадцатипятилетия. Мой собственный муж использовал мою душу в ритуале. Я вернулась, чтобы сжечь его мир дотла. Я сбежала, пережила унижения, научилась драться и колдовать. Я знаю все его тайны. Я уничтожу его бизнес, его репутацию, его союзников.

Но я не ожидала Эйдана. Он видит во мне не тихую аристократку и не беспощадную мстительницу. Он видит просто Лиану. И теперь я боюсь не проиграть свою войну. Я боюсь, что, выиграв её, я не смогу забыть вкус крови на губах и разучиться чувствовать тепло его рук.

Книга участвует в рамках литмоба "Прошлое не изменить"

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	40
Глава 7	46
Глава 8	50
Глава 9	57
Глава 10	64
Глава 11	69
Глава 12	76
Глава 13	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Глава 1

Боль пришла первой. Не физическая — та растворилась в небытии последнего вдоха, — а метафизическая, разрывающая саму ткань души. Ощущение падения в бесконечную, ледяную пустоту, где нет ни света, ни звука, только всепоглощающий ужас небытия.

А потом толчок. Резкий, болезненный, как рождение.

Сознание впилося в реальность когтями. Лиана вдохнула, и воздух, густой от аромата лаванды, пыли на солнце и сладковатого запаха вощёных панелей, обжёг её лёгкие. Она закашлялась беззвучно, тело содрогнулось в спазме.

Она лежала. Не на холодном, грубо отёсанном камне алтаря, пропитанном запахом серы и медных монет. Не в цепях, срезающих кожу на запястьях. Она утопала в мягкости. Пуховый матрас, шелковистая простыня, невесомое одеяло из стёганого атласа. Невероятная, забытая роскошь простого комфорта.

«Где я? Что это за иллюзия?»

Сердце забилося, неровно и гулко, отдаваясь в висках навязчивой дробью. Она боялась открыть глаза. Боялась увидеть то, что видела в последние мгновения: сводчатый потолок подземной лаборатории, озарённый багровым светом бра, и его лицо — прекрасное, холодное, с сосредоточенным блеском в глазах учёного, наблюдающего за решающим экс-

периментом.

Но сквозь веки пробивался свет. Не призрачное мерцание магических кристаллов, а тёплый, золотистый, солнечный свет. Он окрашивал внутреннюю сторону век в розовый цвет. И был звук. Не монотонное бормотание заклинаний, а пение птиц за окном. Живое, беспечное, многослойное.

Смелость, или возможно отчаяние, заставило её приоткрыть глаза. Сначала на волосок, впуская скупую полосу реальности.

Потолок. Не сводчатый камень, а гладкая, побеленная штукатурка, пересечённая резной деревянной балкой. Знакомой балкой. С вырезанными виноградными лозами, которые отец привёз из южной экспедиции, когда ей было десять.

Лиана резко открыла глаза полностью и села, откинув тяжёлые, струящиеся пологи кровати. Мир закачался, поплыл. Она впилась пальцами в прохладную ткань простыни, пытается уцепиться за что-то осязаемое.

Комната. Её комната. В родовом поместье де Вейлей. Не будуар замужней дамы в мрачном замке Валтора, где каждый портрет, каждый гобелен казался соглядатаем. Её девичья обитель. Здесь всё дышало ею — ею прежней, не знающей ужаса, наивной ею. Книжная полка с потрёпанными переплётами романтических баллад и трактатов по основам ботаники. Небольшой секретер с инкрустацией, где хранились безделушки и неотправленные письма подругам. На стене — акварельный этюд, её собственная робкая попытка запечат-

леть сад в мае.

У окна, залитый солнцем, стоял туалетный столик из светлого ореха. И на нём трюмо в серебряной оправе, подарок матери на пятинадцатилетие.

Холодная волна, отличная от ужаса, пробежала по спине. Ощущение сюрреализма, глубокой, фундаментальной неправильности. Она медленно, будто сквозь густой сироп, спустила ноги с кровати. Пол под босыми ступнями оказался тёплым от солнца, падающего через витраж. Она встала, пошатнулась, сделала шаг. И ещё. Каждый шаг отдавался в теле странной лёгкостью, почти невесомостью. Её тело... Оно было другим. Меньше уставшим. Меньше изношенным.

Она подошла к зеркалу, и мир рухнул окончательно.

В зеркале смотрела на неё девочка. Юное, невинное лицо восемнадцатилетней аристократки. Щёки с лёгким румянцем, а не впалые от полуголодного существования и скрытой магической анемии. Губы полные, естественно розовые, без вечной сжатой тревоги в уголках. И глаза... Большие, ярко-синие глаза цвета летнего неба над морем. В них не было и тени той закалённой, мёртвой пустоты, которая стала её спутником в последние годы. Сейчас в них плавал только дикий, неосознанный ужас, искажая черты.

Лиана подняла руку, коснулась своего отражения. Кончики её пальцев, тонкие и нежные, без шрама от ожога, полученного при попытке сварить зелье без присмотра, упёрлись в холодное стекло. Это было её лицо. Но из прошлого. Из

глубины, которую она похоронила под слоями боли и покорности.

И тогда воспоминания не просто нахлынули. Они обрушились, как лавина, сокрушая всё на своём пути.

Кружевной воротник платья, душащий её на помолвке.

Голос отца, сухой и не терпящий возражений: «Это выгодный союз, Лиана. Долг семьи превыше всего».

Холодные, точные пальцы Кассиуса, застёгивающие на её шею ожерелье с сапфиром де Вейлей — символ передачи «прав».

Постепенное угасание. Слабость по утрам. Головокружения. Её собственные, наивные вопросы, на которые он отвечал с медовой учтивостью: «Ты просто слишком впечатлительна, моя роза. Тебе нужен отдых».

Случайно подслушанный разговор в библиотеке. Фрагменты: «...стабильный источник... магия крови, чистая линия... сосуд идеален...».

И наконец, подвал. Цепи. Алтарь. Блеск лезвия, несущего не смерть, а нечто худшее — полное, хищное поглощение. Его глаза, лишённые всякой человечности, в момент высшего триумфа. Пронзающая боль. Ощущение, будто душу вырывают с корнем через открытую рану. Последний хрип, вырвавшийся из пересохшего горла...

— А-а-а... — хриплый стон вырвался из её губ.

Она отшатнулась от зеркала, спина ударилась о край столика. Сердце колотилось, как птица в клетке, грозя разо-

рвать грудную клетку. Дышать было нечем. Комната поплыла, завертелась.

«Я умерла. Я точно умерла. Это ад? Или последний бред угасающего сознания?»

Её рука, действуя на каком-то древнем, животном инстинкте, рванулась к основанию горла. Там всегда, с дня помолвки, лежало то самое ожерелье — холодное, чужеродное, символ её рабства. Пальцы нащупали не гладкий камень в тяжёлой оправе.

Они наткнулись на тепло. Горячее, почти обжигающее.

Лиана посмотрела вниз, преодолевая головокружение. На её груди, на тонкой, невзрачной серебряной цепочке, висел медальон. Она никогда не видела его раньше. Он был небольшим, размером с лесной орех, отлитым из тёмного, матового металла, поглощавшего свет. Его поверхность была покрыта не гравировкой, а словно естественным, сложным узором, напоминающим текстуру пера или потрескавшейся коры. И в самом его центре, будто заключённая внутри, пульсировала крошечная капля света. Не яркого, а тёплого, янтарно-красного, живого. Она билась ровно в такт её бешеному сердцу: тук... тук... тук.

Прикосновение к нему пальцами вызвало новый шок. Жар пронзил кожу, прошёл по руке, влился в грудную клетку и достиг самого сердца. Это не было болезненно. Это было утверждающе. Как ключ, поворачивающийся в замке. Как голос во тьме, говорящий: «Ты здесь. Это реально.»

И тогда, сквозь панику, прорвалось знание. Не память, а именно знание, чистое и ясное, будто выгравированное на внутренней стороне черепа. «Сердце Феникса». Артефакт последнего шанса. Реликвия, впитывающая безмерное сожаление уходящей души и исполняющая её последнюю, самую сильную волю. Цена — полное сгорание прежней судьбы. Дар — возможность написать новую.

Её последняя мысль. Не молитва о спасении, не проклятие. А яростное, сконцентрированное в единую точку желание: «ХОЧУ ВЕРНУТЬСЯ! ХОЧУ ИСПРАВИТЬ!»

Жар от медальона стал утихать, переходя в ровное, глубокое тепло, словно в груди у неё теперь билось два сердца — одно, человеческое, полное страха, и другое, магическое, дарующее пугающую, огненную ясность.

Лиана медленно выпрямилась. Она снова посмотрела в зеркало. Слезы, навернувшиеся на глаза от ужаса и переизбытка чувств, она смахнула тыльной стороной ладони резким, почти грубым движением. И смотрела. Смотрела в глаза той юной девушки, которой она была и которой уже никогда не будет.

Паника отступала, как вода после прилива, обнажая холодное, твёрдое дно. На её местеросло нечто иное. Невиданная решимость. Ледяная ярость. Острое, почти вкусовое осознание того, что она знает. Знает будущее. Знает зло, притаившееся за маской учтивости. Знает каждый шаг к пропасти, который она совершила в неведении.

Она больше не была Лианой де Вейль, наивной наследницей угасающего рода. Она была призраком из будущего. Мстительным духом, запертым в теле своей прошлой жизни. И у нее был план. Единственный план.

Её губы, бледные мгновение назад, сжались в тонкую, безрадостную линию. В синих глазах, ещё влажных от слёз, вспыхнул отражённый от медальона крошечный огонёк. Не надежды. Нет. Предвкушения битвы.

Где-то далеко, внизу, в недрах поместья, пробили массивные напольные часы. Медленный, величавый бой. Семь ударов. Утро её восемнадцатилетия.

Сегодня вечером будет пышный бал. И на нём её официально объявят невестой лорда Кассиуса Валтора.

Тихий, едва слышный звук, похожий на скрежет камня о камень, вырвался из её горла. Это была попытка смеха, которая обернулась рычанием.

— Нет, — прошептала она, и её голос, тихий, но чёткий, наконец обрёл силу. Она не сводила глаз со своего отражения. — Не будет. Ни бала. Ни помолвки. Ни тебя в моём будущем, Кассиус.

Она разжала пальцы, всё ещё сжимавшие медальон. Тот лежал на её груди, теперь излучая лишь слабое, успокаивающее тепло, как верный страж. Лиана глубоко вдохнула, наполняя лёгкие воздухом, который не пахнет серой и кровью. Он пах лавандой, солнцем и пылью старого, доброго дома. Дома, который она, чудом, ещё могла защитить.

«Первый шаг к спасению, — подумала она, глядя на дверь своей спальни, — это выйти отсюда. Выйти и встретить этот день. Не как жертва, отмеченная для заклания. А как охотница, только что получившая карту местности с помеченными всеми ловушками.»

Она повернулась от зеркала. Спина была прямая. Плечи расправлены. На её лице застыло выражение спокойной, почти отстранённой учтивости — первая маска из многих, что ей предстояло надеть. Время её второй жизни началось. И первым делом ему предстояло узнать, что даже у времени может быть своё возмездие.

Глава 2

Одежда стала первой линией обороны. Лиана стояла перед резным гардеробом, её пальцы скользили по знакомым тканям — шёлку, батисту, легкой шерсти. Всё здесь было светлых, пастельных тонов: небесно-голубые, бледно-розовые, сливочно-желтые. Цвета невинности. Цвета жертвы.

Её рука почти сама собой потянулась к простому платью из мягкого серого льна с тёмно-синим поясом — практичному, неброскому, в котором удобно двигаться. Удобно бежать. Но она остановила себя. Нет. Слишком резкая перемена вызовет вопросы. Игра должна быть безупречной.

Она выбрала платье лавандового оттенка с мелкой белой вышивкой по воротнику и манжетам. Скромное, но соответствующее дочери дома де Вейлей в её праздничный день. Каждое движение — натягивание чулок, застёгивание мелких пуговиц сзади (о, как она ненавидела эти пуговицы в прошлой жизни, всегда приходилось звать горничную) — было медленным, осознанным ритуалом. Она ловила себя на том, что её дыхание сбивается, а пальцы дрожат, и заставляла себя остановиться, сделать глубокий вдох, ощутить под ладонью тёплое, живое биение «Сердца Феникса» сквозь ткань.

«Ты живёшь. Они живы. У тебя есть время.»

Последним штрихом стало зеркало. Она подошла к нему не как раньше, с трепетом, а как полководец перед битвой.

На её лице не должно быть и тени ночных кошмаров, паники, всепоглощающей ярости. Она тренировала выражение: легкая, ожидающая улыбка в уголках губ. Ясный, чуть заинтересованный взгляд. Брови не сведённые, а мягко приподнятые. Она меняла гримасы, пока не нашла ту, что выглядела естественно. Маска юной аристократки, слегка взволнованной предстоящим днём. Маска, за которой можно было скрыть бушующий ураган.

Спускаясь по широкой лестнице из полированного дуба, она касалась перил, и память набрасывалась на неё обрывками. Здесь она когда-то споткнулась и уронила букет, а Кассиус, тогда ещё просто гость, поднял цветы с изящной галантностью. Её прошлое, прежняя Я смущённо покраснела. Нынешняя Лиана почувствовала, как по спине пробежали ледяные мурашки. Каждый угол этого дома был пропитан будущим предательством.

Из столовой доносились приглушённые голоса и звон фарфора. Запах свежее испечённого хлеба, ветчины и крепкого кофе опьянял и вызывал тошноту одновременно. Её желудок сжался в комок. Она остановилась у массивной дубовой двери, сжала кулаки, пока ногти не впились в ладони. Боль, острая и ясная, помогла собраться.

«Вперёд.»

Она отворила дверь.

Столовая, залитая утренним солнцем, предстала перед ней как ожившая картина из самого светлого и самого бо-

лезненного сна. За длинным столом, накрытым белоснежной скатертью, сидели они.

Отец, лорд Арриан де Вейль. Не седая тень, сломленная «несчастливым случаем» — падением с лошади через полгода после её свадьбы. Нет. Он был здесь, во всей своей суровой, негнущейся красоте. Седые пряди в тёмных волосах, идеально выбритые щёки, пронзительные серые глаза, изучающие утренние депеши даже за завтраком. Он был воплощением долга и холодного расчёта, тем, кто обменял её будущее на призрачные преимущества для рода. В её памяти всплыл его голос, сказавший однажды Кассиусу: «Она крепкая девочка. Выносливая. Род даст хорошее продолжение». Тогда она смутилась. Теперь она поняла истинный, чудовищный смысл.

И мать. Леди Илана де Вейль. Не бледный призрак в трауре, умерший от «горя» год спустя. А живая, сияющая женщина с золотыми волосами, уложенными в изящную причёску. На её лице играла лёгкая, беспечная улыбка, пока она намазывала масло на круассан. Она всегда была прекрасным украшением, дипломатом в кружевах, но никогда — щитом для своей дочери. Её главной заботой были приличия и мнение света.

Их было двое. Живых. Дышащих. Они подняли на неё глаза.

— Лиана, дорогая! — голос матери прозвенел, как фарфоровый колокольчик. — Мы уже начали думать, ты про-

спишь всё утро в свой же праздник!

Отец отложил депешу, его взгляд скользнул по ней, быстрый, оценивающий. Удовлетворённый тем, что дочь выглядит соответствующе случаю.

— С добрым утром, отец, матушка, — её собственный голос прозвучал чуждо в её ушах, но нужные ноты — почти-тельность, лёгкая робость — были взяты идеально. Она сделала небольшой реверанс, как учили с детства.

— Подойди, поцелуй мать, — сказал отец, не глядя, уже возвращаясь к бумагам.

Лиана пересекла комнату. Каждый шаг отдавался гулко в её сознании. Запах духов матери — нежные ноты ириса и фиалки — обволок её. Это был запах из детства, запах безопасности, который теперь казался горькой насмешкой. Она наклонилась, коснулась губами её щеки. Кожа была тёплой, живой.

Внутри неё что-то оборвалось и взорвалось одновременно.

«Они живы. Они дышат. Они завтракают, строят планы, не зная, что через несколько месяцев оба будут в могилах по милости человека, которого сегодня вечером назовут моим женихом.»

Ярость поднялась из самой глубины, горячая, чёрная, удушающая. Она вскипела в горле, грозя вырваться криком, проклятием, разбитой тарелкой. Её пальцы вцепились в спинку стула так, что кости побелели. Она видела это с ле-

денящей ясностью: их смерть не была несчастным случаем. Это был акт милосердия Кассиуса. Устранив их, он получал полный контроль над её наследством и избавлялся от потенциально назойливых родственников. А она, убитая горем и изолированная, стала ещё более податливой.

— Лиана? Ты бледна, дитя, — голос матери прозвучал с искренней, но поверхностной тревогой. — Не волнуйся ты так о бале. Всё будет идеально.

— Да, матушка, — Лиана выдавила из себя, опускаясь на стул. Она взяла салфетку, развернула её на коленях. Действия механические, отработанные до автоматизма. — Просто немного не выпалась. От предвкушения.

Отец хмыкнул, не отрываясь от бумаг.

— Предвкушать тут нечего. Важный шаг. Лорд Валтор — блестящая партия. Ты должна вести себя безупречно.

«Блестящая. Как отполированный кинжал», — пронеслось в её голове. Она поднесла к губам чашку с чаем. Рука не дрогнула. Чудо. Жидкость обожгла язык, но боль была кстати. Она вернула её в реальность.

— Я понимаю, отец, — сказала она, и в её голосе не было ни капли той горечи, что разъедала душу. — Я сделаю всё, что от меня зависит.

Она наблюдала за ними, пока горничная наливала ей кофе. Отец что-то говорил об урожае в южных поместьях. Мать обсуждала с экономкой меню на вечер. Обыденность. Спокойная, безмятежная жизнь, стоящая на краю пропасти. И

они не видят её. Они видят только выгодный брак, усиление рода, блестящее будущее.

Решимость, острая как клинок, вытеснила ярость. Нет, она не позволит. Не даст этому повториться. Эта картина — отец, мать, солнечный свет на скатерти — не будет стёрта. Она сожжёт того, кто посмеет на неё посягнуть. Но для этого нужно было не сжигать мосты, а осторожно, незаметно перейти на другую сторону реки, унося с собой всё, что может пригодиться.

— Отец, — её голос прозвучал тихо, застенчиво, идеально вписываясь в роль. — Мне бы хотелось после завтрака пройтись в город. Примерить последние штрихи к туалету на вечер и купить новые перчатки. Старые, кажется, уже не так свежи.

Лорд де Вейль взглянул на неё поверх депеш.

— Перчатки? Кажется, у тебя их дюжина. Но ладно. В твой день рождения можно. Только с охраной и горничной. И вернуться к двум. В три начинают готовить.

— Конечно, отец. Спасибо.

Она опустила глаза на тарелку, будто смущённая его снисходительностью. Под столом её рука сжала медальон. Тот ответил мгновенной, тёплой пульсацией, будто говоря: «Правильный ход. Первый шаг.»

Завтрак продолжался. Она говорила мало, слушала много. Каждый звук их голосов, каждую линию на их живых лицах она впитывала, как осуждённая — последние мгновения

света. Это больше не была ярость. Это стало топливом. Холодным, чистым, неумолимым.

Она спасёт их. Не потому, что они были идеальными родителями. А потому, что они были её родителями. И потому, что их смерть была частью плана, который она намерена была обратить в пепел.

Когда она встала из-за стола, чтобы отправиться «за перчатками», её маска не дрогнула ни на миг. Она была образцовой дочерью. В её глазах светилась лишь лёгкая, праздничная оживлённость.

Никто не увидел тень мстительного призрака, прячущуюся за этой маской. Никто не почувствовал, как под платьем лавандового цвета бьётся не только испуганное девичье сердце, но и древний артефакт, отмеряющий отсчёт новой, украденной у судьбы жизни.

Первый акт пьесы под названием «Месть» был сыгран безупречно. Занавес поднимался.

Глава 3

Городской воздух пах пылью, пряностями, навозом и свежеиспечёнными булками — смесью, которую Лиана в своей прошлой жизни, заточённая в стенах поместья Валтора, почти забыла. Сейчас этот запах бил в нос, резкий и животворящий. Каждый звук — крики разносчиков, скрип телег, смех, перебранка у фонтана — отдавался в её черепе, слишком громкий, слишком реальный. Она шла по мостовой, закутанная в лёгкий шёлковый плащ с капюшоном, прикрывавшим её слишком узнаваемые светлые волосы. С одной стороны семенила юная горничная Эльза, с открытым ртом разглядывающая витрины. С другой, на почтительной дистанции, следовал стражник Томас — здоровенный детина с добродушным лицом и мечом на поясе, присланный отцом «для защиты от уличного сброда».

«Защиты от кого? — горько подумала Лиана. — От единственного настоящего монстра в моей жизни они меня как раз и не защитили.»

Но сейчас это не имело значения. Эти двое были лишь частью декорации, ширмой, за которой начиналась настоящая работа. Работа по пересчёту оружия.

Шаги её были размеренными, но мысли скакали, быстрые и чёткие, подогреваемые тихим, настойчивым теплом «Сердца Феникса» у груди. Она позволила себе на мгнове-

ние закрыть глаза, погрузившись во внутреннюю кладовую:

Ресурс первый: она сама.

Физическое состояние: Юное, здоровое тело. Не измождённое годами скрытого «вампиризма». Выносливость средняя, сила — почти нулевая. Нужно будет исправить. Побег потребует сил.

Врождённая магия: Так называемый «дар благословения» дома де Вейлей. В её семье считали, что это лишь умение чуть лучше других чувствовать растения и немного ускорять рост рассады — полезно для садоводства, бесполезно в большой политике или бою. Но Кассиус, лучший специалист по магии крови и души в королевстве, видел глубже. Он называл это «непроявленной витальной силой», чистым, не замутнённым внешними влияниями источником жизни. «Идеальный катализатор», — сказал он однажды, разглядывая её как редкий экспонат. Значит, в этом что-то есть. Нужно исследовать, понять, можно ли это превратить из клейма в клинок.

Образование: Этикет, танцы, генеалогия, основы истории, музыка, живопись. Бесполезный багаж для выживания. Или нет? Этикет — идеальная маскировка. Знание генеалогии и связей — ключ к пониманию интриг. История... В истории часто прячутся секреты.

Ресурс второй, главный: знание.

Она помнила. Помнила всё. Это было не смутное воспоминание, а кристально ясная хроника, будто она только вче-

ра прожила те десять лет. И в этой хронике было полно щелей, в которые можно было вставить клин.

Она мысленно открыла досье на Кассиуса Валтора, и холодная волна прошла по коже даже на солнцепёке.

Тайный кабинет. Не в его родовом замке Валторхольм, куда её перевезут после свадьбы. А в городе, в самом его сердце. Старый особняк в квартале алхимиков и переписчиков, купленный через подставное лицо — мастера-гравёра по имени Лемарк. Вход через лавку антиквариата «Семь печатей». Кабинет на третьем этаже, защищённый рунами невидимости и отвода внимания. Там хранились его исследовательские дневники, самые ценные компоненты и чёрная бухгалтерия.

Сообщники.

1. Магистр Орвин из Коллегии Некромантии (номинально запрещённой, но терпимой «для академических целей»). Сухой, как скелет, старик с жадным блеском в глазах. Поставлял Кассиусу теоретические выкладки и доступ к запретным архивам.

2. Леди Селестина Морвэн, вдова с не самой безупречной репутацией. Она была его светским щитом, распускала нужные слухи, устраивала «благотворительные вечера», где заключались настоящие сделки. Её слабость — азартные игры и молодые любовники.

3. Капитан городской стражи Ренар. Не самый высокий чин, но отвечающий за район порта. Закрывал глаза на кон-

трабанду определённых «магических материалов» за солидные откаты. Жаден и трусоват.

4. Купцы из гильдии «Западный ветер». Через них шёл отмыв денег и сбыт артефактов, добытых в запретных раскопках.

Даты и сделки.

— Через три недели: прибытие корабля «Морская нимфа» с грузом кристаллов чёрного кварца из шахт Даркхольма. Кассиус лично встретит его в порту под покровом ночи. Стража под началом капитана Ренара будет «отвлечена».

— Через два месяца: аукцион редких манускриптов в имении леди Морвэн. Там под видом трактата по метеорологии будет продан зашифрованный дневник первого архимага о душегравитации — основа ритуала, который использовал против неё Кассиус.

— Через четыре месяца: «несчастный случай» с её отцом на охоте. Устройство, сбрасывающее седока, будет подложено в конюшню его личным конюхом, подкупленным через цепочку из трёх человек.

Мысли текли, как ледяная вода, смывая остатки паники и оставляя после себя холодную, ясную решимость. У неё была карта минных полей будущего. И карта сокровищ — компромата.

— Сударыня, вон там, кажется, хорошая лавка перчаток, — робко пролепетала Эльза, указывая на аккуратную вывеску с изображением двух сцепленных рук.

Лиана кивнула, давая себе мысленную команду вернуться в настоящее. Она вошла в лавку, где воздух пах кожей и лавандой. Пока пожилая мастерица с меркой в руках приставала к ней с вопросами о фасоне и шве, Лиана продолжила инвентаризацию.

Ресурс третий: артефакт.

«Сердце Феникса» было загадкой. Оно реагировало на её эмоции, давало тепло, подтверждало реальность. Но могло ли оно на большее? В легендах феникс возрождался из пепла, наделённый новой силой. Даст ли он ей что-то, кроме второго шанса? Нужно экспериментировать. Осторожно.

— ...и, конечно, только самый тонкий шов, сударыня, — бубнила мастерица, обматывая её запястье лентой.

— Да, конечно, — автоматически ответила Лиана. Её взгляд упал на небольшую полку в углу лавки. Там среди катушек ниток и обрезков кожи лежала пара старых, потёртых книг в кожаных переплётах. Одна из них была без названия на корешке, но переплёт... переплёт был знакомым. Тёмная кожа с едва заметным тиснением в виде спирали.

В памяти щёлкнул замок. Мастерская Лемарка. Гравёр. Он не только делал фальшивые документы и печати для Кассиуса. Он был страстным библиофилом и иногда брался за переплёт редких книг. Этот узор — его фирменный знак, который он ставил на все свои работы. Значит, он здесь, в городе. И, возможно, его лавка где-то рядом.

— Эта книга, — Лиана указала на неё свободной рукой,

стараясь, чтобы голос звучал просто любопытно. — Странный переплёт. Это местная работа?

Мастерица обернулась, глаза её сузились.

— А, это. От мастера Лемарка, с Соборной улицы. Славный старичок, но чужак. Иногда подрабатывает у меня, чинит старые фолианты. Эту книжонку он в счёт оплаты оставил, да так и не забрал. Алхимия какая-то, не нашлось покупателя.

Соборная улица. Всего в двух кварталах от «Семи печатей». Сердце Лианы учащённо забилося. Это был знак. Маленькая ниточка, протянутая из будущего в прошлое.

— Как интересно, — сказала она, и в её голосе зазвучала наигранная, светская живость. — Я как раз собирала небольшую коллекцию старых переплётков. Я бы купила её. И вы не могли бы дать мне адрес мастера? Хочу заказать у него оправу для своего молитвенника.

Через десять минут она вышла из лавки с коробкой, в которой лежали три пары ненужных перчаток, и потрёпанной книгой по основам алхимии, завёрнутой в грубую бумагу. В её голове, рядом с досье на Кассиуса, появилась новая, пока пустая, папка с именем «Лемарк».

На обратном пути, пока Эльза восхищалась купленными «прелестями», а стражник Томас зевал, прикрывая рот ладонью, Лиана завершила инвентаризацию.

У неё не было армии. Не было могущественной магии. Не было союзников.

Зато у неё было знание. И жгучее, всепоглощающее желание выжить и сокрушить. Это было начало. Слабое, хрупкое, но её начало.

Она посмотрела на шпили родного поместья, вырастающие впереди. Вечерний бал, помолвка... Это была не цель, а просто первое препятствие на долгой дороге. Теперь она знала, что несёт в своей голове не только кошмары, но и карту. Карту, на которой были отмечены все ловушки и все слабые точки её врага.

Осталось лишь набраться смелости, чтобы начать по ней двигаться. Первый шаг, как решила Лиана, глядя на завернутую книгу, будет связан с чудаковатым гравёром с Соборной улицы.

История участвует в литмобе 18+

“Прошлое (не) изменить!”

Глава 4

Предлог был безупречен, как и всё, что делала Лиана в эти последние часы до помолвки.

— Мне нужны последние штрихи для вечера, матушка. Ленты особого оттенка и, может быть, новая кипарисовая шкатулочка для ароматических солей. В городе, у старьевщика Эйнора, видели прелестную.

Её голос звучал лёгко, с оттенком девичьего волнения, которое так ждали от неё. Леди Илана, погружённая в хлопоты с цветочными композициями для бального зала, лишь махнула кружевным платочком:

— Да, да, дитя, только не задерживайся. И с охраной.

На этот раз она отказалась от горничной.

— Эльза так устала вчера, пусть отдохнёт. А со стражем мне будет достаточно.

Большая свита привлекала бы внимание, а ей нужно было остаться наедине с одним доверчивым Томасом, которого было проще контролировать.

Дорога в город казалась ей теперь не скучной обязанностью, а полосой разбега. Каждый стук копыт по булыжнику отмерял секунды, оставшиеся до того, как её жизнь снова затянется в водоворот событий, ведущих к пропасти. Но на этот раз у неё в руках был невидимый штурвал.

Она помнила. Помнила, как через несколько месяцев по-

сле свадьбы, уже чувствуя постоянную слабость, она зашла в кабинет Кассиуса без спроса и застала его за изучением старого фолианта. Он не рассердился, что было странно. Напротив, с холодным интересом спросил:

— Ты чувствуешь что-нибудь, глядя на эти символы, моя дорогая?

На страницах были изображены сложные, геометрические узоры, от которых у неё закружилась голова и заныла переносица.

— Ничего, пустота, — солгала она тогда, испугавшись его пристального взгляда.

Он усмехнулся и закрыл книгу.

— Жаль. Это очень редкий трактат по защитным рунам Северных пустошей. Говорят, они могут блокировать даже магию крови.

Позже, в его лаборатории, она увидела эти же узоры, начертанные мелом на полу вокруг алтаря. Они не защищали её. Они удерживали её силу, не давая ей вырваться наружу в момент ритуала, делая поглощение чистым и эффективным.

Лавка старьевщика Эйнора была той же — тёмной, пропахшей пылью, старым деревом и тайнами. Полки до потолка ломились от безделушек, сломанных механизмов, потускневшего серебра и кип бумаг. В прошлой жизни она зашла сюда случайно, через год после той сцены с книгой, но трактата уже не было. Эйнор, почесав затылок, сказал: «Продал, сударыня. Мастеру-гравёру Лемарку, для переплёта. А тот,

слышал, потом перепродал какому-то важному господину». Важному господину. Кассиусу.

Теперь она была здесь на полтора года раньше.

Томас остался у входа, скучая и переминаясь с ноги на ногу, а Лиана шагнула в полумрак лавки. Сердце колотилось, но руки не дрожали. Она медленно прошла вдоль полок, делая вид, что рассматривает фарфоровые статуэтки и потёртые шкатулки. Её взгляд сканировал груды книг в дальнем углу — хаотичные стопки, покрытые вековой пылью.

И вот он. Не на видном месте, а в самом низу, под грудой старых географических атласов с выцветшими картами. Толстый том в потёртом кожаном переплёте без каких-либо опознавательных знаков. Только когда она вытащила его, сдувая облако пыли, на обложке проступил едва заметный, вдавленный в кожу узор — три концентрических круга, пересечённых зигзагом молнии. Знак школы рунографов Пустошей, исчезнувшей столетия назад.

Прикосновение к обложке вызвало странное ощущение — лёгкое покалывание в пальцах, слабый, едва уловимый гул, отозвавшийся где-то в глубине её сознания. Не боль, а резонанс. Как будто что-то внутри неё, та самая «непроявленная витальная сила», откликнулось на древнюю магию защиты.

— Нашла что-то интересное, барышня? — голос старьевщика, хриплый от возраста, заставил её вздрогнуть.

Эйнор, маленький, сухонький старичок в очках, стоял ря-

дом, вытирая руки о фартук. Лиана быстро надела маску лёгкой, немного смущённой любознательности.

— Да, вот эта книга... Узоры на обложке очень необычные. Это что-то по геометрии?

Эйнор шурился, разглядывая том.

— Геометрии? Ха! Вряд ли. Из старой партии, что я приобрёл у ликвидаторов библиотеки магистра Террана. Тот, говорят, в Северные пустоши ездил, сумасшедший. Много странного наташил. Лежит тут лет десять, никто не брал. Бумага толстая, рисунки непонятные. На растопку годится.

«На растопку.» Слова обожгли её. Весь её будущий ужас, вся её смерть — источник этой силы кто-то мог просто сжечь в камине. Ярость, острая и краткая, кольнула под ложечкой. Она погасила её глубоким вдохом.

— Мне нравятся старые книги, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал наивно. — А рисунки, и правда, затейливые. Можно использовать как альбом для засушенных цветов или основу для вышивки. Я бы купила.

Эйнор смотрел на неё с немим удивлением. Барышня из знатного дома, интересующаяся хламом для рукоделия?

— Ну, если хотите... Две серебряные монеты, и книга ваша. Бумага-то плотная.

Цена была смехотворной. Кассиус заплатил бы за этот фолиант целое состояние, и то через посредников. Лиана кивнула, уже роясь в маленьком бархатном кошельке.

— Договорились. И вот эту шкатулочку тоже, пожалуйста.

— Она указала на маленькую деревянную шкатулку с инкрустацией, чтобы покупка выглядела правдоподобно.

Пока старьёвщик заворачивал книгу в грубую коричневую бумагу, Лиана чувствовала, как на неё давит груз совершаемого. Это была не просто покупка. Это было «присвоение». Кража оружия из арсенала врага до того, как он успел его найти. Маленькая, но решающая диверсия в ткань предначертанного будущего. Кассиус никогда не получит этот трактат. Он никогда не узнает, как идеально выстроить руны, чтобы удержать её силу. В этой новой реальности в его арсенале будет дыра.

Когда она вышла из лавки, держа свёрток с книгой и безделушкой, солнце казалось ярче. Томас, увидев её, вытянулся.

— Всё получили, сударыня?

— Да, Томас, всё в порядке. Можем возвращаться.

В дорожной карете, пока Томас правил лошадьми, она развернула бумагу и положила ладонь на старую кожу переплёта. Тепло «Сердца Феникса» на её груди и слабое покалывание от книги слились в единый, тихий поток. Она не умела читать эти руны. Пока. Но они были её. Её первая настоящая победа. Не бегство, не сокрытие, а активное действие, меняющее расклад сил.

Она прижала книгу к себе, закрыв глаза. В памяти всплыло лицо Кассиуса, изучающее те самые страницы. Теперь это лицо было лишено своего главного козыря. Маленькая тре-

щина в его всесилии. И эту трещину она создала.

Возвращаясь в поместье, к подготовке к балу и ненавистной помолвке, Лиана чувствовала не только страх и отчаяние. В её душе, рядом с ледяным комом ужаса, теплился новый огонёк — огонь хищного, почти незнакомого ей чувства: надежды на собственную силу. Она сделала первый шаг. Украла будущее. И это было только начало.

*Дорогие читатели! Начинаем знакомство с участниками
литмоба: 18+ "Прошное (не) изменить!"*

«По ту сторону клятвы» Александра Король

<https://litnet.com/shrt/3DL0>

Глава 5

Бал закончился далеко за полночь. Свет сотен свечей, фальшивые улыбки, бесконечные поздравления, тягостный, как смирительная рубаха, вес шёлкового платья с фамильным сапфиром на груди — всё это слилось в одно оглушительное, изматывающее пятно. Лиана отыграла свою роль безупречно: краснела, когда Кассиус с показной нежностью целовал её руку, опускала глаза под тостами, позволяла матери увести себя для представления очередной важной тётушке. Она была идеальной куклой на ниточках будущего, которое видела так ясно, что от этого тошнило.

Теперь, в глухой тишине своей комнаты, смыв с лица румяна и пудру, она чувствовала, как маска приросла к коже. Её лицо в зеркале казалось чужим — бледным, с огромными тёмными глазами, в которых плавала отражённая пустота. Медальон под ночной рубашкой был тёплым, почти горячим, будто предупреждал или утешал.

Но «Сердце Феникса» не могло уберечь её от того, что ждало во сне.

Она не сразу поняла, что спит. Просто привычный мир растворился, сменившись знакомым, леденящим душу холо-

дом. Запах воска, ладана и чего-то металлического, медного — запах свежей крови. Она лежала на спине, а над ней плыли клубящиеся тени на сводчатом потолке. Её тело было сковано невидимыми цепями, она не могла пошевелиться, не могла крикнуть.

Затем его голос. Низкий, спокойный, методичный. Он читал заклинание на языке, который щекотал разум, как лезвие по кости. Не понимая слов, она понимала смысл: «отдача, извлечение, передача».

— Почти готово, моя роза, — его лицо возникло в поле зрения. Красивое, бесстрастное, с глазами учёного, наблюдающего за редкой химической реакцией. В них не было ни злобы, ни удовольствия. Только интерес. — Твоя сущность так чиста. Идеальный катализатор для перехода.

Она пыталась шевелить губами, молить, проклинать. Из горла вырывался лишь хриплый, клокочущий звук. Его пальцы, холодные в тонких кожаных перчатках, прикоснулись к её груди, чуть ниже ключицы. Боль, когда лезвие рассекло кожу, была ослепительной, белой, огненной. Но хуже боли было ощущение, что последовало за ней — стремительное, неумолимое опустошение. Как будто через эту рану вытягивают не кровь, а саму её душу, воспоминания, чувства, само желание жить. Она чувствовала, как угасает, как тлеет уголёк её сознания, и остаётся лишь ледяная, всепоглощающая пустота.

Последним, что она увидела, были не его глаза, а симво-

лы. Яркие, кроваво-красные линии, начертанные мелом на камне вокруг неё. Те самые руны из украденной книги. Они не защищали её. Они сияли, удерживая её утекающую силу, направляя её в ненасытную пасть ритуала.

— НЕТ!

Она сорвалась с кровати с таким воплем, что он разорвал тишину комнаты, показавшейся ей внезапно враждебной. Она билась в панике, срывая с себя одеяло, руками ощупывая грудь в поисках раны, горячей крови. Кожа была целая, сухая. Но чувство опустошения, леденящий холод в костях — они остались, настоящие, как сама комната.

Слёзы текли по её лицу ручьями, тихие, безудержные. Она обхватила себя руками, стараясь сдержать дрожь, но её трясло, как в лихорадке. Это был не просто кошмар. Это было воспоминание. Тело помнило агонию. Душа помнила распад.

Дверь в её спальню скрипнула, открывшись на щель.

— Дитя? Лиана? Это ты кричала?

Голос был тихим, тёплым, пронизанным такой неподдельной тревогой, что он пробился сквозь панику. В дверь, зашмурившись от яркого света свечи в её руке, вошла Марго.

Старая няня. Не просто служанка. Она пришла в дом де Вейлей ещё при рождении отца Лианы. Она была больше, чем прислуга — она была хранительницей очага, молчаливым свидетелем взлётов и падений рода. Её лицо, изрезанное морщинами, как карта прожитых лет, сейчас было искажено

беспокойством. На ней был поверх ночной рубашки накинута тёплый стёганный халат.

— Марго... — имя сорвалось с губ Лианы сломанным шёпотом.

Марго, не спрашивая больше ни слова, поставила свечу на столик и подошла к кровати. Она не обняла её — это было бы неслыханной фамильярностью. Но она села на край матраса и накрыла её дрожащие, ледяные руки своими — тёплыми, шершавыми от работы, невероятно живыми.

— Кошмар, — не спросила, а констатировала Марго. Её умные, выцветшие глаза изучали лицо Лианы, видя не просто испуганную девушку, а что-то гораздо более глубокое. — Не первый, если я не ошибаюсь. Уже неделю ты ходишь, как призрак, дитя мое. И не от радости перед свадьбой.

Лиана замолчала, стиснув зубы, чтобы они не стучали. Довериться? Это безумие. Один неверный шаг, одно слово не в том ухе — и всё рухнет. Но одиночество давило сильнее страха. А в глазах Марго не было ни лукавства, ни расчёта. Только та самая, редкая преданность, которая переживает поколения.

«Сердце Феникса» под рубашкой пульсировало мягко, настойчиво. Не предостерегая, а подталкивая...

— Это был не просто кошмар, Марго, — выдохнула Лиана, и голос её звучал хрипло от слёз. Она решилась на полуправду, на единственный якорь, который мог удержать её в этом безумии. — Это было видение. Как вещий сон.

Руки Марго слегка сжали её пальцы.

— Расскажи, если не страшно. Старые кости видали многое, и слухам они не помеха.

И Лиана рассказала. Не всё, конечно. Не про возвращение во времени, не про артефакт. Она рассказала про сон. Про холодный камень, про тёмную комнату, про человека, который использует её жизнь для какой-то страшной магии. Про ощущение, что её заточают, её силу вытягивают по капле. Про символы на полу, которые светятся и не дают ей вырваться. Она говорила обрывочно, сбивчиво, и это придавало истории жуткую достоверность.

— И я знаю его лицо, Марго, — шептала она, и в её голосе зазвучала настоящая, неконтролируемая дрожь. — Это лицо лорда Валтора. Во сне... он мой муж. И он меня убивает. Медленно. Целенаправленно.

Марго слушала, не перебивая. Её лицо стало непроницаемым, каменным. Когда Лиана замолчала, в комнате повисла тишина, нарушаемая лишь потрескиванием свечи.

— Вещие сны, — наконец проговорила старуха тихо, — это дар и проклятие вашего рода, дитя. Твоя прапрабабка Элинор видела пожар в восточном флигеле за три дня до того, как он случился. Моя мать, служившая здесь горничной, видела смерть старого лорда, твоего прадеда, за неделю. — Она сделала паузу, и её взгляд стал острым, пронзительным. — Такие сны не приходят просто так. Они предупреждают. Игнорировать их — значит плевать в лицо судьбе и тем, кто

за нами присматривает.

Лиана затаила дыхание. Она не ожидала такой реакции. Ожидала утешений, советов выпить успокоительного чаю, отговорок, что это всего лишь нервы.

Марго медленно поднялась.

— Ты сказала, символы на полу. Можешь описать?

Сердце Лианы ёкнуло. Она кивнула, протянула руку к столу, где лежали её письменные принадлежности. На чистом листе бумаги, дрожащей рукой, она попыталась изобразить один из узоров — три концентрических круга, пересечённых зигзагом. Тот, что лучше всего запомнился.

Марго посмотрела на рисунок, и её лицо ещё больше осунулось.

— Печать Удержания. Из северных практик. Старая, очень старая магия. Не для добрых дел. — Она подняла глаза на Лиану. — Твой сон... Это не фантазия, дитя. Это предостережение из самой глубины крови. Твоя кровь чувствует угрозу.

Лиана чувствовала, как у неё перехватывает дыхание. Марго верила. Более того, она понимала.

— Что мне делать? — прошептала она, и в этом шёпоте была вся её беспомощность и вся её надежда. — Я не могу... Я не стану его женой, Марго. После этого сна я скорее умру.

— Умирать не нужно, — отрезала Марго резко. Её голос приобрёл стальные нотки, которых Лиана никогда у неё не слышала. — Нужно действовать. Ты — последняя кровь основной ветви де Вейлей. Моя семья служила твоей пять по-

колений. Клятва на крови была дана. Защищать колыбель рода. Защищать его продолжение. — Она выпрямилась, и в её сгорбленной обычно фигуре вдруг угадывалась нестигаемая сила. — Если твой сон — правда, то угроза дому наличко. И моя клятва велела бы мне вырвать эту угрозу с корнем.

Лиана смотрела на неё, не веря своим ушам. Это было больше, чем она могла надеяться.

— Ты pomoжeшь мне? — голос её дрогнул.

Марго шагнула вперёд и неожиданно опустилась на одно колено, взяв руку Лианы в свои. Жест был старинный, рыцарский, совершенно неуместный между госпожой и служанкой.

— Клянусь землёй предков и пеплом нашего домашнего очага, — проговорила она твёрдо, глядя Лиане прямо в глаза. — Пока это старое сердце бьётся, я буду твоим мечом в тени и ключом от потаённых дверей. Скажи, что нужно сделать.

В эту минуту Лиана перестала быть одинокой. Глыба льда в её груди дала трещину, и сквозь неё хлынуло болезненное, щемящее облегчение. У неё появился союзник. Первый. Ненадёжный, хрупкий, но настоящий.

— Мне нужно сбежать, Марго, — сказала она тихо, но чётко. — До свадьбы. И мне нужна твоя помощь, чтобы подготовить всё. И чтобы никто не узнал.

На лице Марго мелькнула тень боли — за дом, за порядок, который рушится. Но она кивнула.

— Значит, сбежим. У старых домов, детка, есть не только

парадные лестницы. Есть и задние. И потайные. Я покажу. А теперь спи. Хоть немного. Завтра начнём.

Она ушла так же тихо, как и пришла, забрав с собой свечу, но оставив в комнате не тьму, а ощущение слабого, далёкого, но огня. Огня союзничества.

Лиана легла, прижав руку к медальону. Кошмары, она знала, ещё вернутся. Но теперь, в крошечной тьме, она чувствовала не только холод лезвия, но и тёплые, шершавые ладони старой няни, державшие её руки. И этой опоры, хрупкой, как паутина, пока что хватало, чтобы не разбиться вдребезги. У неё был план. И теперь у неё был первый, самый верный, солдат.

*Дорогие читатели! У нас следующий участник литмоба:
18+ "Прошлое (не) изменить!"*

«В его власти» Ани Марика

<https://litnet.com/shrt/OrM7>

Глава 6

План был простым, потому что гениальность часто кроется в простоте, а не в хитросплетениях. Лиана знала распорядок дома, как свои пять пальцев — в этом её первая жизнь, проведённая в этих стенах, была хорошей школой.

Каждый вторник после ужина её отец, лорд Арриан, на два часа удалялся в свой кабинет на восточном крыле для «работы с корреспонденцией». На деле это означало, что он пил портвейн, курил трубку и читал отчёты о доходах, наслаждаясь тишиной и собственной значимостью. Мать в это время обычно принимала ванну с ароматными маслами, чтобы смыть с себя дневные заботы. Прислуга, кроме дежурного лакея у парадной, была распущена по своим углам.

Окно же её комнаты, как выяснилось благодаря детским воспоминаниям и подтверждённым сегодня Марго, выходило на узкий, поросший плющом карниз. Он вёл к слуховому окну чердака, а оттуда, через старую, забытую лестницу для слуг, можно было спуститься в коридор прямо напротив отцовского кабинета. Этот путь использовали столетия назад для срочных донесений во время осад. Теперь он стал дорогой к её собственному спасению.

Вторник. Сумерки сгущались за окном, окрашивая небо в цвет синяка. Лиана, одетая в тёмно-серое, простое платье (украденное из сундука со старыми вещами и перешитое ею

же за ночь), стояла у своего окна. Под платьем — маленький поясной мешочек с восковыми свечами, огнивом, тонким ножом для вскрытия писем (подарок отца на двенадцатилетие, ирония судьбы) и несколькими чистыми листами бумаги. Сердце колотилось, но руки были сухими и холодными.

За её спиной Марго, выглядевшая на двадцать лет старше от напряжения, шептала:

— Карниз прочный, дитя. Но не смотри вниз. Иди боком, прижимаясь к стене. Плющ выдержит. На чердаке — третья балка от входа, под ней рычаг. Нажмёшь, откроется люк в лестничную шахту.

Лиана кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Она забралась на подоконник, ощутила под ногами прохладный камень карниза. Ширина — не больше длины её ступни. Ветер, игравший в кронах вековых дубов, растущих у дома, теперь казался злобным великаном, пытающимся сорвать её в темноту.

Она не посмотрела вниз. Прижалась спиной к шершавой стене, ощущая под пальцами твёрдые побегι плюща. Первый шаг. Второй. Камень крошился под подошвой туфель. Тридцать футов пустоты под ней пели свою леденящую песню. Она двигалась боком, как краб, её взгляд был прикован к тёмному прямоугольнику слухового окна в десяти шагах впереди.

— Ты умирала на камне. Это просто прогулка, — тверди-

ла она себе, и образ холодного алтаря придал её движениям странную, механическую уверенность.

Она добралась, вцепилась в раму окна, втянулась внутрь. На чердаке пахло пылью, старым деревом и сушёными травами. В свете заходящего солнца, пробивавшегося сквозь щели, вились мириады пылинок. Она нашла балку, нащупала скрытый рычаг. Тихий щелчок, и часть пола бесшумно отъехала, открыв чёрную пасть.

Лестница была крутой, узкой, без перил. Она спустилась, как тень, сердце в груди теперь билось не от страха высоты, а от предвкушения. Коридор за потайной дверцей (замаскированной под панель с фамильным гербом) был пуст и погружён в полумрак. Ровно в пяти шагах — массивная дубовая дверь кабинета лорда де Вейля.

Она приложила ухо к дереву. Тишина. Затем скрип кресла, звук перелистываемых страниц. Он был внутри.

План «А» был ждать, пока он уйдёт. Но она помнила: иногда он засыпал там, и лакей будил его ближе к полуночи. У неё не было столько времени.

План «Б» родился из наблюдений за Кассиусом. Тот часто использовал простые отвлекающие манёвры. Лиана отступила от двери, прошла к дальнему концу коридора, где стояла большая китайская ваза с сухими ветками. Взяв один из мелких камешков, что всегда лежали на подоконниках для балласта, она метнула его в вазу.

Звон был негромким, но в тишине дома он прозвучал, как

падение подноса. В кабинете замерло перелистывание. Затем скрип кресла, тяжёлые шаги. Дверь кабинета приоткрылась, и лорд Арриан вышел в коридор, нахмурившись и проходя в сторону шума.

В этот момент Лиана, прижавшись к стенной нише с другой стороны от двери, проскользнула внутрь его святая святых.

Кабинет пах кожей, табаком, воском и властью. Она прикрыла дверь, оставив щель, и огляделась. Огромный письменный стол, заваленный бумагами. Шкафы с книгами по геральдике и экономике. Охотничьи трофеи на стенах смотрели на неё стеклянными глазами. Её цель находилась в верхнем правом ящике стола. Она помнила, как отец, за неделю до помолвки, с важным видом убирал туда «документы по будущему союзу».

Она подбежала к столу. Ящик был заперт. Простой навесной замок. Ключ, по логике, должен был висеть... Её взгляд скользнул по стене, остановившись на ключнице среди прочих канцелярской мелочи. Там, на отдельном крючке, висел маленький латунный ключ.

Шаги в коридоре затихли. Отец, не найдя ничего, кроме «случайно упавшей ветки», вероятно, решил пройти дальше.

У неё были секунды. Она схватила ключ, вставила его в замок. Дрогнула. Не подходил. Паника, острая и кислая, ударила в горло. Она заставила себя вынуть ключ, перевернуть. Вставила снова. Щелчок. Ящик открылся.

Сверху лежали обычные счета. Под ними — толстая папка из тёмно-синей кожи с золотым тиснением: «Договор. Дом де Вейль — Дом Валтор».

Она вытащила её, положила на стол, раскрыла. Её глаза бежали по строчкам, выхватывая знакомые юридические обороты, а потом — суть.

«Статья 4: В случае заключения брака, все права на неогороженные земли к востоку от реки Вир (поместья «Далёкие Луга») передаются в полную собственность дома Валтор...

Статья 7: Магические артефакты и реликвии, принадлежащие невесте на момент заключения договора, включая, но не ограничиваясь, считаются частью приданого и переходят под управление мужа...

Статья 12 (самая чудовищная): В случае безвременной кончины невесты до рождения наследника, всё её движимое и недвижимое имущество, а также нереализованные права на магическое наследие рода де Вейль, переходят к мужу как к законному супругу и хранителю...»

Это была не просто свадебная сделка. Это был акт полного, безоговорочного поглощения её рода. Её отец продавал не просто дочь. Он продавал саму кровь и землю своих предков, обрекая свой дом на исчезновение. А пункт о её смерти... Это была не предосторожность. Это была инструкция для Кассиуса. «Добейся наследника, а потом можешь делать с ней что угодно. Всё равно всё уже наше».

В ушах зазвенело. Ярость, которую она сдерживала с мо-

мента пробуждения, хлынула, горячая и слепая. Её пальцы вцепились в пергамент так, что тот затрещал по краям. Она хотела порвать его, сжечь, растоптать.

Но шаги за дверью снова слышались. Ближе.

Дорогие читатели! У нас следующий участник литмоба:
18+ “Прошлое (не) изменить!”

«Враг моего Мужа» Маргарита Абрамова

<https://litnet.com/shrt/Q3Zm>

Глава 7

Здравомыслие, холодное и спасительное, пронзило пелену ярости. «Не сейчас. Сначала доказательство.»

Она судорожно огляделась. Нужно было скопировать, и быстро. Переписать от руки — слишком долго. Чернила и перо стояли на столе, но...

Её взгляд упал на большое окно кабинета, выходящее в сад. На улице почти стемнело, но от заката ещё оставался слабый, медно-красный отблеск. Идея, отчаянная и блестящая, родилась мгновенно.

Лиана схватила чистый лист бумаги из своего мешочка и прижала его к ключевой странице контракта — той, где были статьи 12 и 7. Она не могла переписать всё, но должна была унести суть предательства. Достав из мешочка блестящий порошок, что привезла ей кузина из поместья Торстерс, чтобы копировать рисунки для вышивки на ткань, она легонько сыпанула его на лист. Затем подбежала к окну, поставила бумагу на стекло, прижав сверху контракт. Бледный, призрачный свет заката, проходя через два слоя пергамента и частицы порошка, слабо, но различимо проступал на чистом листе. Видны были не слова, а очертания букв, подпись и печать.

Это была не копия. Это был след. Отпечаток преступления.

Она услышала, как рука взялась за дверную ручку снаружи.

Лиана бросилась к столу, сунула контракт обратно в папку, в ящик, щёлкнула замком. Ключ — на место на ключнице. Она метнулась к потайной двери в стене, уже приоткрытой. В тот миг, когда дубовая дверь кабинета распахнулась, впуская лорда Арриана, панель с фамильным гербом бесшумно закрылась за её спиной.

Она стояла в тёмной шахте, прижав к груди дрожащими руками лист бумаги с призрачным отпечатком. Сердце колотилось так, что, казалось, его услышат сквозь камень. Она слышала, как отец прошёл к столу, тяжело опустился в кресло, вздохнул. Он был в трёх шагах от неё, отделённый лишь толщиной старой стены.

Только тогда, в абсолютной темноте, её накрыло. Не страх разоблачения, а осознание прочитанного. Кабальные условия. Её отец знал. Он знал, на что обрекает её. Или он был настолько слеп в своей жажде союза с могущественным родом, что не видел очевидного? Не видел, что Валторы получают всё, а де Вейли — лишь пустой титул и место при дворе зятя?

В памяти всплыло его лицо за завтраком: холодное, расчётливое. «Лорд Валтор — блестящая партия». Блестящая. Как отполированная могильная плита.

Слёзы жгли глаза, но она не позволила им упасть. Плакать можно было позже. Сейчас нужно было выбирать.

Она проделала путь обратно: лестница на чердак, карниз, своё окно. На этот раз движение по узкому камню не вызывало страха. Её наполняла ледяная, всепоглощающая пустота, гораздо страшнее любой высоты.

Марго ждала её в комнате, лицо серое от волнения.

— Получилось? — выдохнула она.

Лиана молча развернула лист бумаги и поднесла его к свече. Свет с обратной стороны выявил бледные, но чёткие силуэты букв, размашистую подпись отца и тяжёлую, восковую печать дома де Вейлей, прилепленную рядом с другой, более изощрённой — печатью Валторов. Доказательство. Материальное свидетельство сделки с дьяволом.

— Посмотри, Марго, — голос Лианы звучал тихо и безжизненно. — Вот цена, которую я стою для моего рода. Земли. Реликвии. И моя жизнь, если я умру «слишком рано». Всё аккуратно расписано.

Марго, прищурившись, всмотрелась в отпечаток. Старуха не была грамотной, но печати понимала. Её лицо исказилось гримасой глубочайшего презрения, в котором смешались боль и ярость.

— Предатели, — прошипела она. — Они продают тебя, как овечку на убой. И весь дом в придачу.

— Они продают будущее, которого у них не будет, если я не вмешаюсь, — поправила её Лиана. Она сложила бумагу, спрятала её в потайной карманчик, сшитый внутри обшивки кресла. — Этот документ не поможет мне сейчас. Но поз-

же... Позже он может разрушить репутацию Кассиуса. Или, по крайней мере, открыть глаза тем, кто ещё способен видеть.

Она подошла к окну, глядя на тёмный сад. Ярость улеглась, оставив после себя нечто более прочное: холодную, беспощадную решимость. Её семья перестала быть её семьёй. Они стали игроками на доске, и не на её стороне. Это знание было болезненным, но освобождающим. Она больше никому не была должна. Только себе. И той старой клятве, которую дала Марго.

— Мы начинаем готовиться всерьёз, Марго, — сказала она, не оборачиваясь. — Нужны деньги, которые нельзя отследить. Одежда, в которой можно затеряться в толпе. Документы. И способ уйти так, чтобы они искали не сбежавшую невесту, а жертву похищения. Или нечто подобное.

В её голосе появились новые, твёрдые нотки. Нотки командира, оценивающего ресурсы перед битвой. Шпионаж закончился. Теперь начиналась подготовка к войне. А первым трофеем в этой войне был листок бумаги с призрачным отпечатком предательства.

Дорогие читатели! У нас следующий участник литмоба: 18+ "Прошлые (не) изменить!"

«Злодейка. Переписать финал» Наталья Кошка

<https://litnet.com/shrt/2rBs>

Глава 8

Он прибыл днём, без предупреждения, как и делал всегда — демонстрируя своё право входить в дом будущей жены когда вздумается. Лиана узнала о его приезде по внезапной суматохе внизу: приглушённые, торопливые шаги слуг, голос матери, звучавший на октаву выше обычного, металлический лязг доспехов его личной охраны во дворе.

«Сердце Феникса» под платьем, которое она с утра по настоянию матери надела — нежно-голубое, с высоким воротничком, удушающим, как петля, — вдруг стало ледяным. Холод проник сквозь ткань, сквозь кожу, в самую грудную клетку, заставив сердце сжаться.

«Спокойно. Это просто проверка. Он приехал убедиться, что товар в порядке перед окончательной сделкой.»

Она стояла посреди своей гостиной, глядя на дверь, и заставляла каждую мышцу лица расслабиться. Губы — в нейтральную, готовую к учтивой улыбке линию. Брови — слегка приподняты, в выражении вежливого ожидания. Глаза... Глаза должны были светиться глуповатым, девичьим восторгом. Она вспомнила, как смотрела на него в самом начале — с трепетом, смешанным со страхом перед таким блестящим, недоступным существом. Теперь нужно было сыграть этот трепет, отфильтровав сквозь сито наивности.

Дверь открылась. И он вошёл.

Лорд Кассиус Валтор. В своей первой жизни этот вид заставлял её сердце биться чаще от смущённого волнения. Теперь каждый его штрих был для неё ядовитым шипом.

Он был высок, строен, с той изящной, почти змеиной грацией, которая скрывала стальную силу. Его каштановые волосы, идеально уложенные, отливали медью в свете из окна. Лицо — классически прекрасное, с высокими скулами, прямым носом и губами, которые, казалось, всегда хранили лёгкую, снисходительную усмешку. Но главное — глаза. Серо-зелёные, как море перед штормом, невероятно живые, умные, проницательные. Глаза, которые видели в людях не личности, а ресурсы, потенциал, свойства. Глаза учёного. Глаза палача.

Он был одет не в парадные одежды, а в изысканный, тёмно-зелёный камзол из дорогой, но практичной ткани, без лишних украшений — только фамильный перстень с тёмным аметистом на пальце. Это был человек, который не нуждался во внешних атрибутах власти. Власть исходила от него самого, тихая, уверенная, всепроникающая.

— Лиана, дорогая, — его голос был бархатным, тёплым, идеально выверенным по тембру, чтобы вызывать доверие. Он сделал несколько шагов вперёд, и комната словно сжалась, наполнилась запахом дорогого мыла, свежей кожи и чего-то неуловимого, холодного — как запах металла в пустом зале арсенала.

«Не двигайся. Дыши. Улыбнись.»

Она сделала маленький, почтительный реверанс, опустив глаза, как и полагалось.

— Лорд Валтор. Это неожиданная и приятная честь.

— Я не мог не заехать, — сказал он, приближаясь. Его взгляд скользнул по ней, быстрый, оценивающий. Не как мужчины, смотрящего на женщину. Как коллекционера, проверяющего состояние будущего приобретения. — Завтра мы уезжаем с инспекцией в северные владения. А оставлять свою прекрасную невесту без прощального слова — это непростительно.

Он остановился в шаге от неё. Слишком близко. Она чувствовала его тепло, его рост, нависавший над ней. Воспоминания хлынули лавиной: этот же запах в подвальной лаборатории, этот же голос, читающий заклинание, эти же руки в перчатках, держащие кинжал...

— Ты выглядишь немного бледной, моя роза, — произнёс он, и в его голосе прозвучала фальшивая нота заботы. — Не слишком ли волнует тебя подготовка к нашему большому дню?

— Немного, милорд, — она заставила себя поднять на него глаза. Встретиться с этим взглядом было всё равно что ткнуть пальцем в открытую рану. — Но это приятные хлопоты.

— Рад это слышать. — Он протянул руку. Изящную, с длинными пальцами, ухоженную. Жест был ясен: он ждал, чтобы она подала свою для поцелуя.

Вот он. Физический контакт. То, чего её душа и тело боялись панически. Но отказ был невыносим.

Она медленно, будто сквозь густой сироп, подняла свою руку. Её пальцы дрожали, и она сжала их в кулак, прежде чем расслабить и положить ладонь на его протянутую руку. Его пальцы закрылись над её костяшками. Прикосновение было сухим, тёплым, абсолютно контролирующим.

Он наклонился, его губы коснулись её кожи чуть выше перчатки.

И мир рухнул.

Это был не просто поцелуй. Это был спусковой крючок. Прикосновение его губ вызвало не волну гадливости, а всепоглощающий, физический ужас. В памяти вспыхнуло с болезненной яркостью не видение, а ощущение: те же губы, прикасавшиеся к её шее в ночь после свадьбы, шепчущие: «Какая чистая, сильная аура...». Пальцы, сжимающие её запястье сейчас, слились с воспоминанием о тех же пальцах, затягивающих ремни на алтаре.

Её желудок сжался спазмом. Тошнота, острая и неконтролируемая, поднялась к горлу. Кровь отхлынула от лица, в ушах загудел нарастающий шум. Перед глазами поплыли тёмные пятна. Дыхание перехватило. Она почувствовала, как её колени подкашиваются, а мир начинает вращаться.

Кассиус поднял голову, его брови чуть приподнялись от удивления. Он всё ещё держал её руку.

— Лиана?

Она не смогла ответить. Её тело, пережившее смерть от этого человека, восстало против самой идеи его прикосновения. Это была не игра, не преувеличение. Это был чистый, животный инстинкт — инстинкт жертвы, узнавшей запах хищника.

Она рванула руку назад, спотыкаясь, и прислонилась к спинке ближайшего кресла, чтобы не упасть. Ладонь прижала ко рту, глаза широко распахнулись от ужаса, который она уже не могла скрыть.

— Простите... милорд... — ей удалось выдавить хриплым шёпотом. — Мне... внезапно стало очень дурно...

Кассиус наблюдал за ней с тем же аналитическим интересом. Его взгляд скользнул по её лицу, заметил неестественную бледность, испарину на лбу, дрожь в плечах. В его глазах мелькнула тень раздражения, быстро сменённая маской беспокойности.

— Выглядишь ты и правда нездорово. Горничную позвать? Воды?

В этот момент дверь приоткрылась, и на пороге возникла Марго, будто почувствовавшая беду на уровне костей. Её взгляд мгновенно оценил ситуацию.

— Барышня! Опять эти головокружения? — воскликнула она, бросаясь к Лиане с таким естественным испугом, что та на миг поверила в её искренность. — Простите, милорд, у неё с утра мигрень, я говорила леди Илане, что нужно остаться в постели, но она так хотела вас принять...

Марго ловко встала между Лианой и Кассиусом, взяв девушку под локоть, как бы поддерживая.

— Пойдём, дитя, приляг. Тебе нужен покой.

Кассиус отступил на шаг, его лицо снова стало непроницаемым.

— Конечно. Здоровье — прежде всего. Я надеюсь, это просто усталость от приготовлений, — его фраза звучала как пожелание, но ухо Лианы уловило в ней лёгкий, испытующий подтекст.

— Благодарю вас за понимание, милорд, — прошептала Лиана, позволяя Марго вести себя к двери в будуар. Она не смотрела на него. Боялась, что, если увидит его лицо сейчас, её самообладание рухнет окончательно.

Она слышала, как он вежливо прощался с её матерью в коридоре, его шаги, удаляющиеся по лестнице. Только когда дверь в её комнату захлопнулась, а Марго щёлкнула засовом, Лиана позволила себе содрогнуться. Её вырвало в приготовленный Марго таз — судорожно, мучительно, хотя желудок был пуст. Это была реакция организма на чистый, неразбавленный ужас.

Марго молча держала её за плечи, вытирала лицо влажным полотенцем.

— Всё, дитя, всё. Он ушёл.

— Он... он почуял... — рыдала Лиана, захлёбываясь. — Он что-то заподозрил. Он смотрел, как на странный образец...

— Пусть себе подозревает, — буркнула Марго, но в её голосе тоже была тревога. — Главное — ничего не доказал. Болель — вещь обычная. Но тебе нельзя больше с ним встречаться. Ни разу. Следующий раз ты можешь не выдержать.

Лиана кивнула, утирая слёзы. Приступ паники отступал, оставляя после себя ледяную, хрустальную ясность. Она коснулась медальона. Он снова был тёплым, как будто пытался согреть её изнутри.

Эта встреча стала последним доказательством. Её тело отказывалось подчиняться разуму в присутствии убийцы. Она не могла больше играть. Не могла рисковать. План побега нужно было ускорить вдвое.

Она подняла голову и посмотрела на Марго. В её глазах уже не было страха. Только твёрдая, неумолимая решимость.

— Мы уходим завтра ночью. Всё должно быть готово. У нас нет больше времени на репетиции.

Паническая атака стала не провалом, а последним толчком. Точкой невозврата. Теперь она знала наверняка: остаться — значит сойти с ума или выдать себя раньше времени. Бежать было единственным вариантом. И этот побег начался сейчас.

Глава 9

После той встречи в воздухе повисла тишина, густая и звенящая, как воздух перед грозой. Лиана лежала в постели, куда её уложила Марго, притворившись выздоравливающей, но внутри неё бушевала лихорадка деятельности. Каждая минута отсчитывала время до побега. Отчаяние сменилось холодной, методичной целеустремлённостью. Если её тело предавало её при одном прикосновении Кассиуса, то разум должен был работать безупречно.

Первым делом — деньги. Наличные, немаркированные, которые нельзя было отследить до дома де Вейлей. У неё были украшения. Не фамильные драгоценности, за которыми бы сразу начали охотиться, а личные безделушки: золотая цепочка с крошечным бриллиантом (подарок к пятинадцатилетию), серёжки с жемчугом, брошь в виде бабочки с сапфировыми крыльями, несколько лёгких браслетов. Вещи сентиментальные, но не уникальные. Их исчезновения могли не заметить или списать на воровство прислуги.

— Продавать нужно вразброс, — шептала она Марго, которая, притворяясь, что поправляет покрывало, склонилась над кроватью. — В разных концах города. Не в ювелирных лавках, а у скупщиков, которые не задают вопросов. Скажи, что это от падшей горничной из знатного дома или что-то в этом роде.

Марго кивнула, её глаза блеснули от азарта заговорщика.

— Знаю пару мест у реки, где рыбаки сбывают краденое. Там и цен не спросят. Но дадут гроши.

— Гроши лучше, чем ничего. Ими мы оплатим первый этап. — Лиана сунула ей маленький бархатный мешочек, который жёг ей пальцы. Расставаться с этими вещами было больно — они были частичкой той, наивной Лианы. Но та Лиана была мертва. А этой нужны были средства, чтобы выжить.

Пока Марго, под благовидным предлогом отлучки «к знахарке за травами для барышни», растворялась в городских трущобах, Лиана принялась за следующее: одежду. Ей предстояло стать невидимкой. Она вытащила из глубины гардероба самое простое, бесформенное платье из грубой шерсти тёмно-коричневого цвета, которое когда-то использовала для работ в зимнем саду. К нему — потёртый чёрный плащ с капюшоном, на несколько размеров больше, чтобы скрыть очертания фигуры. И главное — обувь. Прочные, разношенные полусапожки на низком каблуке, в которых можно было пройти многие мили.

Она аккуратно сложила этот «костюм беглянки» в старый, ничем не примечательный холщовый мешок вместе с парой простых шерстяных чулок, мылом, гребнем и куском твёрдого сыра, украденного со вчерашнего ужина. Еда на первое время.

Затем настал черёд самого сложного и опасного: докумен-

тов. Без них она была беглой аристократкой, которую любая стража вернёт за награду. С ними она могла стать кем угодно.

Имя пришло само: «Лира». Простое, непритязательное, без родовитых корней. Лира из, например, из деревни Ровное у Северной гряды. Сирота, направляющаяся в столицу на заработки к дальним родственникам. Нужна была справка от деревенского старосты, скреплённая печатью (пусть и поддельной), и, если повезёт, рекомендательное письмо.

Лиана знала, где это можно достать. Память услужливо подсказала: в её первой жизни Кассиус как-то пренебрежительно обмолвился о некоем гравёре, который «умеет создавать любую реальность на бумаге за соответствующую плату». Мастер Лемарк. Тот самый, с Соборной улицы. Тот, кто переплетал книги и, по слухам, мог выгравировать что угодно.

Риск был колоссальный. Но у неё был козырь — та самая купленная у старьевщика книга по алхимии в его фирменном переплёте. Это был ключ, повод для визита.

Когда Марго вернулась, её лицо было напряжённым, но в глазах светилась тень удовлетворения. Она высыпала на постель горсть монет — серебряных и медных. Бриллиант и жемчуг превратились в скромный, но жизненно важный капитал.

— Хватит на месяц скромной жизни или на неделю хорошего укрытия, — прошептала она.

— Хватит для начала, — поправила её Лиана. Она взяла

половину монет, завернула в лоскут, спрятала в мешок. — А теперь, Марго, твоя самая опасная миссия.

Она протянула старухе книгу в переплёте Лемарка и чистый, заранее составленный ею текст «справки» с вымышленными именами и местами.

— Нужно отнести ему это. Скажи, что девушка из благородного дома (не называй нашего!) попала в беду. Ей нужно исчезнуть. Ей нужны бумаги на имя Лиры. И, если он может, печать деревенского старосты. Платить готова. И отдай ему эту книгу в счёт части оплаты. Скажи, что хозяйка велела вернуть, раз уж он её так ценит.

Марго побледнела, но кивнула. В её возрасте и с её преданностью страх отступал перед долгом.

— А если он выдаст?

— Он не выдаст, — сказала Лиана с уверенностью, которой не чувствовала. — Такие люди живут своей тайной. Выдать клиента — значит испортить репутацию и лишиться доходов. И я думаю, он уже работал на Валторов. Ему будет выгодно иметь долг с другой стороны.

Марго ушла, растворившись в сумерках. Ожидание стало невыносимым. Лиана ходила по комнате, каждый шорох за дверью заставлял её вздрагивать. Она представляла себе худшее: стража, врывающаяся в комнату, лицо отца, полное гнева, ледяная усмешка Кассиуса...

Но через два часа Марго вернулась. Не с пустыми руками. В её трясущихся пальцах был свёрток из грубой бумаги.

— Получилось, — выдохнула она, запирая дверь. — Старый хитрец. Сначала делал вид, что не понимает. Потом посмотрел на книгу, на монеты... Спросил только: «Бежать от мужа или от долгов?» Я сказала: «От судьбы похуже». Он хмыкнул и удалился в заднюю комнату. Через час принёс это.

Лиана развернула бумагу. На слегка пожелтевшем, состаренном листе была аккуратная, официально выглядящая записка о том, что Лира, дочь таких-то, уроженка деревни Ровное, отпускается в город на заработки с позволения старосты. Внизу красовалась аккуратная, чуть потёртая печать с изображением снопа пшеницы — идеально для сельской местности. А ещё была вторая бумага — рекомендательное письмо от имени некоей «тетушки Марты», которая якобы брала девушку в услужение. Подписи дрожали, как у старой женщины, но были уверенными.

Это было искусство. Лемарк создал не просто подделку, он создал легенду. Хлипкую, но правдоподобную.

— Он сказал, — добавила Марго, понизив голос до шёпота, — что если «девушке» понадобится помощь в будущем, он может сделать и другие бумаги. За отдельную плату. И он послал предупреждение. «Скажи ей, чтобы остерегалась людей в зелёных плащах с серебряной застёжкой в виде волка. Они не те, за кого себя выдают».

Ледяная рука сжала сердце Лианы. Люди Кассиуса. Его личные агенты. Значит, Лемарк действительно знал, от кого

она бежит. И его предупреждение было ещё одной ниточкой, связывающей её с миром теней.

Она спрятала драгоценные документы в потайной карман на внутренней стороне плаща. Мешок с одеждой и провизией Марго унесла прятать в условленное место — в старую голубятню на дальнем конце сада, куда редко заглядывали.

Когда всё было готово, Лиана осталась одна. На столе перед ней лежали остатки её прежней жизни: пара дорогих платков, изящный веер, бальное расписание. А в сумерках комнаты, уже казавшейся ей чужой, витал призрак новой личности — Леры, простой девушки с тайной и мешком скромных пожитков.

Она подошла к зеркалу. В глазах, под которыми залегли тёмные круги от бессонницы и стресса, не было ни наивности, ни паники. Был холодный, отточенный блеск. Маска благородной девицы треснула, и из-под неё проглядывало истинное лицо — лицо выживальщицы.

Легенда была создана. Оружие и снаряжение подготовлены. Оставалось сделать последний шаг — шаг из этой комнаты, из этой жизни, в неизвестность. Но теперь у неё был не только страх. У неё был план, немного денег, фальшивые бумаги и железная воля.

— Доброй ночи, Лиана де Вейль, — прошептала она своему отражению. — А тебе доброго пути, Лира.

За окном полностью стемнело. Ночь, идеальная для побега, приближалась.

*Дорогие читатели! У нас следующий участник литмоба:
18+ “Прошлое (не) изменить!”*

«Дракон, который меня сжег» Николь Фенникс

<https://litnet.com/shrt/CLka>

Глава 10

Тишина, наступившая после отъезда Кассиуса, была обманчивой. Она не принесла облегчения, а лишь усугубила чувство ловушки. Комната, некогда убежище, теперь казалась клеткой с позолоченными прутьями. Воздух был тяжёлым, пропитанным запахом её собственного страха — кисловатым, животным. Лиана стояла посреди комнаты, сжимая и разжимая кулаки, пытаясь загнать обратно тремор, который начинался глубоко внутри, в самых костях.

Он коснулся её. Его губы, его пальцы. И её тело отреагировало не просто отвращением, а полным, паническим отказом. Что будет на свадьбе? При первом же поцелуе? При первом контакте в брачной опочивальне? Она содрогнулась, чувствуя, как по спине пробегают ледяные мурашки. Её сознание услужливо рисовало картины: его руки, снимающие с неё платье, его взгляд, изучающий её кожу, как материал для опытов. А потом алтарь. Всегда алтарь.

«Нет, нет, нет...» — слово пульсировало в висках в такт бешено колотящемуся сердцу. Она зажмурилась, но образы не исчезали. Она чувствовала призрачную боль на груди, там, где лезвие рассекло плоть. Чувствовала, как из неё вытягивают жизнь. Это было не воспоминание. Это было предчувствие, пророчество её собственного тела, кричавшего об опасности.

Отчаяние, чёрное и бездонное, поднялось из желудка, сжало горло. Она была так уязвима. У неё был план, мешок со старьём, фальшивые бумаги и старая няня. А против неё — вся мощь дома Валторов, хладнокровный ум Кассиуса, его сеть шпионов и убийц. И её же собственный род, готовый связать её и передать в руки палача.

Бессилие душило её. Она опустилась на колени перед камином, в котором тлели догорающие угли. Холод проникал сквозь тонкую ткань платья. Она обхватила себя руками, пытаясь сдержать рыдания, но они вырывались наружу тихими, надрывными всхлипами. Она была одна. Совершенно одна в этом ужасе.

Её рука инстинктивно потянулась к груди, к медальону. Он был не просто тёплым. Он был горячим, как раскалённый уголёк. Боль от прикосновения заставила её вздрогнуть, но она не отняла руку. Наоборот, прижала ладонь сильнее, как будто этот жар был единственной реальностью в распадающемся мире.

«Помоги, — беззвучно прошептали её губы. — Дай силы. Я не могу... Я не выдержу. Я не могу даже прикосновения его вынести. Как я смогу сражаться?»

Она сконцентрировалась на медальоне, на его пульсации, которая теперь казалась громкой, как удары сердца. Она впитывала его тепло, впускала его внутрь, в ту ледяную пустоту, что образовалась в груди после приступа паники. И тепло начало отвечать. Оно текло по её жилам, не жгучим потоком,

а уверенным, живительным ручьём. Оно струилось к её животу, к дрожащим рукам, к вискам, где пульсировала боль.

И тогда, сквозь слёзы и отчаяние, она это увидела. Не глазами. Внутренним зрением. Её собственная сущность, её магия — та самая, что Кассиус называл «непроявленной витальной силой» — была не просто пассивным благословением для растений. Она была пламенем. Тлеющим, едва живым, но пламенем. Не тем, что согревает очаг, а тем, что очищает. Огонь, который сжигает болезнь, гниль, скверну. Огонь, в котором феникс сгорает дотла, чтобы возродиться.

Это было её. Не сосуд. Не катализатор. А очищающий огонь.

Осознание ударило, как молния. Её дар никогда не был слабым. Его просто сдерживали. Воспитывали как нечто пассивное, женственное, полезное для сада. Его заставляли служить жизни в её самой мягкой форме. Но его истинная природа была иной. Она была активной. Она была защитой. Оружием.

Ярость, которую она так старательно хоронила под слоями страха и притворства, вдруг нашла выход. Она не просто боялась Кассиуса. Она ненавидела его. Ненавидела его холодные руки, его лживые слова, его алтарь, его жажду забрать у неё всё. Эта ненависть была не тёмной, а ясной, белой, как пламя. Она хотела не просто убежать. Она хотела очистить мир от его присутствия. Сжечь его ложь, его манипуляции, его чёрную магию дотла.

Эта ярость, смешавшись с отчаянием и новообретённым знанием о своей силе, рванулась наружу. Она не думала о заклинаниях, о жестах. Она просто захотела. Захотела, чтобы этот огонь внутри неё стал видимым. Захотела доказательства. Захотела света в крошечной тьме своего страха.

Её взгляд упал на толстую восковую свечу на каминной полке. Она давно погасла, оставив лишь чёрный, оплывший фитиль.

«Гори», — приказало что-то внутри неё.

И свеча вспыхнула.

Не с искры, не от уголька из камина. Фитиль просто воспламенился. Яркое, ровное, жёлтое пламя затанцевало на его кончике, отбрасывая на стены прыгающие тени.

Лиана отпрянула, ударившись спиной о кресло. Она смотрела на пламя, широко раскрыв глаза. Дыхание застряло в горле. Сердце бешено колотилось, но теперь уже не от страха, а от потрясения.

«Это я.»

Она медленно подняла руку, глядя на свои пальцы. Они не горели. Никакого жара, исходящего от неё, не было. Но в глубине ладони она чувствовала странное, приятное покалывание — эхо только что совершённого действия.

Осторожно, мысленно, она потянулась к пламени: «Угасни.»

Пламя дрогнуло, уменьшилось до крошечной голубой точки и погасло, выпустив тонкую струйку дыма.

Тишина оглушила её. Слышен был только треск углей в камине и её собственное, неровное дыхание.

Она снова посмотрела на свечу. На тёмный, ещё тёплый фитиль. Не сомнение, а ошеломляющая, головокружительная уверенность наполнила её. Это был не случайность. Это был прорыв.

Её магия не была слабой. Её просто неправильно понимали. И «Сердце Феникса» не просто вернуло её назад. Оно разбудило в ней то, что всегда дремало в глубине. Огонь, который нельзя было использовать для украшения жизни. Огонь, который был создан, чтобы её защищать. Очищать.

Она прикоснулась к медальону. Теперь он был тёплым, успокаивающим, как рука друга. Он сделал своё дело — указал путь.

Слёзы на её глазах высохли. Дрожь в руках утихла. На коленях перед потухшим камином, в свете одинокой свечи, которую она только что зажгла силой воли, Лиана де Вейль перестала быть жертвой. В её душе, рядом с ледяным страхом, теперь горел маленький, но неугасимый огонёк. Огонёк гнева. Огонёк силы. Огонёк мести.

Она поднялась с пола. Плечи её были расправлены. Взгляд — твёрдым. Побег оставался необходимой тактикой. Но теперь у неё появилась стратегия. И первое оружие в арсенале.

Она не просто сбежит от Кассиуса Валтора.

Она станет пламенем, которое однажды вернётся, чтобы его сжечь.

Глава 11

Инцидент с магией придал Лиане странную, почти неестественную собранность. Страх не исчез, но отступил, уступив место холодному, ясному плану действий. Она проверила и перепроверила каждый элемент побега с Марго, мысленно проигрывая маршрут от голубятни до городской стены. Всё было готово к завтрашней ночи.

Именно в этот момент, когда её решимость достигла пика, судьба, казалось, решила испытать её на прочность.

Её мать, леди Илана, влетела в её комнату после полудня с лицом, озарённым светской улыбкой, которая не достигала глаз.

— Лиана, дорогая, отличные новости! Твой кузен Теодор приехал! Специально к помолвке, представь! Всю дорогу из своих северных владений скакал.

Ледяная рука сжала сердце Лианы. Теодор. Сын троюродной сестры её отца, наследник захудалой ветви рода де Вейлей, владевший клочком земли у самой границы. В её прошлой жизни он был единственным, кто на свадебном пиру подошёл к ней и, глядя в глаза, тихо спросил: «Ты уверена, Лиана? Ты выглядишь... не в своей тарелке». Тогда она, уже пойманная в паутину условностей и страха, лишь покачала головой. Через неделю его «по рекомендации» Кассиуса отправили на спорную границу с дикарями — почётное,

но смертельно опасное назначение. Спустя полгода пришло известие о его гибели в стычке.

Он был молод, добродушен, безнадёжно прямолинеен и абсолютно не вписывался в изошрённые интриги двора. И он был *здесь*. Теперь. Когда каждый лишний глаз, каждое лишнее слово могли стать роковыми.

— Как мило с его стороны, — выдавила Лиана, чувствуя, как маска счастливой невесты намертво прилипает к её лицу.

— Да, не правда ли? Он в библиотеке с отцом. Спускайся, поприветствуй его. Он так по тебе скучал! — мать уже тянула её к двери, не оставляя выбора.

Библиотека была наполнена запахом старой бумаги, кожи и теперь — дорожной пыли. У камина стояли двое мужчин. Отец, с привычной холодной вежливостью на лице, и Теодор.

Он вырос с прошлой их встречи несколько лет назад. Высокий, широкоплечий, с открытым, загорелым лицом, по которому ещё скользили веснушки. Его каштановые волосы были небрежно откинuty со лба, а одежда — добротная, но без изысков, чуть поношенная в дороге. Он говорил что-то, жестикулируя, и его голос, громкий и искренний, резал тихую, напыщенную атмосферу библиотеки.

— ...и говорю им, если эта порода таких холодов не выдерживает, то зачем вы её на север привезли? Лучше бы овцами занялись!

Отец издал звук, средний между кашлем и усмешкой. Его взгляд, скользнувший к вошедшим, выражал лёгкое раздра-

жение.

— А, вот и наша виновница торжества, — сказал он сухо. Теодор обернулся. Его глаза, зелёные, как летний лес, нашли Лиану, и в них вспыхнуло неподдельное, тёплое удовольствие.

— Лиана! Черт возьми, да ты совсем взрослая стала! — Он пересёк комнату двумя длинными шагами и, забыв о светском этикете, схватил её за руки. Его ладони были тёплыми, шершавыми от узды, честными. — Поздравляю с помолвкой! Хотя, — он понизил голос на полтона, — говорят, жених у тебя серьёзный. Сам лорд Валтор. Не напугал он тебя?

Его прямота была как удар свежего ветра в затхлой комнате. Отец закашлялся уже по-настоящему.

— Теодор, пожалуйста...

— Что? Я же искренне интересуюсь, — парировал кузен, не выпуская рук Лианы. Он смотрел ей прямо в глаза, и в его взгляде не было ни лести, ни расчёта. Только простое, человеческое участие. — Ну как, Ли? — спросил он тихо, используя детское прозвище, которое никто уже не употреблял.

В этот момент она чуть не сломалась. Чуть не бросилась ему на грудь и не выкрикнула всю правду: о кошмарах, о договоре, о том, что её продают на убой. В нём была та самая искренность, которой так не хватало в этом доме. Он был настоящим.

Но воспоминание о его судьбе в прошлой жизни встало между ними, как ледяная стена. Его прямая доброта погубила его однажды. Если она втянет его в свои планы сейчас, Кассиус раздавит его, как букашку, ещё до того, как они выберутся за ворота. Его смерть будет на её совести дважды.

Она заставила себя улыбнуться, мягко высвободила руки.

— Всё в порядке, Тео. Лорд Валтор очень галантен. Всё идёт по плану.

В её голосе прозвучала фальшивая нота, которую, казалось, уловил только он. Его брови чуть сдвинулись, но отец уже подошёл, кладя конец разговору.

— Теодор устал с дороги. Ему нужно отдохнуть перед ужином. Лиана, можешь идти. Займись своими делами.

Это был приказ. Лиана кивнула, бросая на прощание быстрый взгляд на кузена. В его глазах теперь читалось лёгкое недоумение и тень озабоченности. Он что-то почувствовал.

Весь день Теодор был как мушка в паутине её планов. Он пытался поймать её взгляд за обедом, заговаривал с ней в саду, куда она вышла под предлогом прогулки. Он был настойчив, как ребёнок, чувствующий, что взрослые что-то скрывают.

— Ли, послушай, — наконец улучил он момент, когда они оказались одни у старого фонтана. — Ты... ты точно хочешь этого? Замужества? Ты говоришь правильные слова, но глаза у тебя... как у загнанного зайца.

— Не говори глупостей, Теодор, — отрезала она, обрывая розовый бутон с куста и не глядя на него. — Я просто волнуюсь. Это естественно.

— Естественно — это дрожать от страха при одном упоминании имени жениха? — Он шагнул ближе, заслонив её от возможных взглядов из дома. — Я слышал кое-что о Валторах. Старые слухи. Про тёмные эксперименты, про исчезновения людей. Отец говорит, что это сплетни завистников, но...

— Теодор, хватит! — её голос прозвучал резче, чем она планировала. Она увидела, как он отшатнулся, и боль кольнула её в грудь. Но это было необходимо. Нужно было оттолкнуть его. Ради его же безопасности. — Твои северные суеверия неуместны здесь. Лорд Валтор — мой избранник, и я не потерплю дурных слов о нём. Прошу тебя, оставь эту тему.

Он смотрел на неё, и его открытое лицо постепенно закрывалось. Обида, разочарование, а потом — понимание. Не полное, но какое-то.

— Хорошо, — сказал он тихо. — Как скажешь. Просто знай... если тебе когда-нибудь правда понадобится помощь. Я здесь. Вернее, я буду в старом охотничьем домике у озера до конца недели, прежде чем вернусь на границу. Если что.

Он повернулся и ушёл, его широкая спина выглядела неожиданно ссутулившейся.

Лиана сжала бутон в руке так, что сок окрасил пальцы.

Она только что оттолкнула, возможно, единственного настоящего союзника по крови. Но она спасла ему жизнь. Пока. Его упоминание об охотничьем домике засело в памяти как случайное зерно. Мало ли.

Вечером, когда она уже собиралась в своей комнате, раздался тихий стук. Это был не Марго. Она открыла. На пороге стоял Теодор с небольшим свёртком в руках.

— Я уезжаю рано утром, — сказал он, не глядя ей в глаза. — Не смогу быть на официальной церемонии. Отец сказал, что у меня срочные дела на границе. — В его голосе звучала горечь. Дела, явно инспирированные её отцом (или уже Кассиусом?), чтобы убрать беспокойного родственника подальше. История повторялась. — Я принёс тебе это. На память.

Он протянул свёрток. Это была старая, потрёпанная книга в кожаном переплёте. «Хроники Северных рубежей. Заметки путешественника».

— Там... есть карты. И описания троп. Мало ли, — он пожал плечами. — Может, когда-нибудь пригодится. Чтобы знать, куда бежать, если... — он не закончил, лишь грустно улыбнулся. — Береги себя, Ли.

Он ушёл, не дожидаясь ответа.

Лиана стояла с книгой в руках, чувствуя, как комок подступает к горлу. Он знал. Не всё, но чувствовал правду. И вместо того, чтобы настаивать, ломать её защиту, он дал ей инструмент. Карты. Знание троп.

Это было не препятствие. Это был подарок. Неожидан-

ный, опасный и бесценный. Она положила книгу в свой мешок, рядом с украденным трактатом по рунам. Два знания. Два ключа. И одно тяжёлое бремя вины за человека, которого она только что обрекла на изгнание, чтобы спасти от смерти.

Теперь он тоже стал частью её легенды. Ещё одна ниточка, связывающая её с миром, который она была вынуждена покинуть. И ещё одна причина, по которой Кассиус Валтор должен был пасть. Он отнял у неё всё, даже возможность довериться родной крови.

Глава 12

Дом де Вейлей, обычно погружённый в сдержанное достоинство, взорвался светом, музыкой и чужим весельем. Казалось, вся знать королевства съехалась в эти стены, чтобы стать свидетелями «блестящего союза». Люстры дрожали от сотен свечей, отражаясь в полированном паркете, как звёзды в тёмной воде. Воздух был густ от запаха воска, дорогих духов, цветочных гирлянд и человеческих амбиций.

Лиана стояла на вершине парадной лестницы, одетая в шедевр портних — платье из серебристо-голубого атласа, расшитое кристаллами, которые ловили каждый блик света, превращая её в ходячее созвездие. На шее, давящее и холодное, лежало фамильное ожерелье с сапфиром де Вейлей — символ передачи прав. В ушах жгли тяжеленные бриллиантовые серьги. Она была идеально упакованным товаром, выставленным на всеобщее обозрение перед окончательной продажей.

Её лицо было неподвижной маской, оживлённой лишь механической, учтивой улыбкой. Изнутри она наблюдала за всем, как через толстое, искажающее стекло. Смех звучал приглушённо, музыку заглушал гул в её ушах, а яркий свет резал глаза, и без того воспалённые от бессонницы. Она ловила на себе взгляды — оценивающие, завистливые, жалеющие. «Счастливица», «блестящая партия», «возрождение

дома де Вейлей». Никто не видел петли на её шее.

В её голове, как непрерывный калейдоскоп, крутились четкие пазлы воспоминаний прошлой жизни: в один из дней незадолго до своей смерти, она проводила мужа. Кассиус так торопился, что забыл закрыть сейф в кабинете. Лиана и сама не понимала, что именно подтолкнуло ее заглянуть туда. Находка оказалась столь пугающей, что она с трудом справилась с подкатывающим комом в горле.

В сейфе, который Кассиус берег как зеницу ока, она нашла дневники. Его дневники. Муж настолько был одержим своей идеей, что расписывал каждый шаг, каждую секунду воплощения своего плана. Лиана хаотично листала страницы, выхватывала обрывки текста. Это было ужасно. Сумасшедший ученый и его подопытный — именно так она себя ощущала в ту минуту. Но именно они, эти самые дневники стали основой ее нынешнего плана. Если бы не они, то много оставалось бы для неё тайной.

Вот только узнать много Лиане не удалось — Кассиус, вспомнив о своей оплошности, вернулся с полпути. Она в последнее мгновение, услышав шаги на лестнице, успела вернуть всё на место и покинуть кабинет. Больше такой удачи ей не выпадало. И сейчас, стоя здесь, её горло сдавливал спазм, глядя на своё будущее. Она ждала...

И вот он появился.

Кассиус Валтор вошёл не как жених, а как властелин, принимающий дань. Его тёмно-зелёный бархатный камзол, от-

теньявший глаза, был скромнее нарядов многих гостей, но он затмевал всех одним лишь присутствием. Он медленно поднимался по лестнице, останавливаясь, чтобы обменяться парой слов с тем или иным важным гостем, его улыбка была безупречна, его кивок — исполнен снисходительной милости.

И его взгляд, в конце концов, нашёл её. Серо-зелёные глаза, острые, как скальпель, встретились с её синими. И в них не было ни любви, ни даже вожделения. Было удовлетворение. Удовлетворение коллекционера, который вот-вот заполучит долгожданный, редкий экспонат.

Он подошёл, взял её руку. Его пальцы, сухие и тёплые, сомкнулись над её перчаткой. Прикосновение вызвало волну тошноты, но она подавила её, заставив мышцы лица сохранять улыбку.

— Вы ослепительны, моя роза, — произнёс он, и его голос, такой бархатный, ласкал слух гостей, а для неё был звуком отпираемой темницы. — Весь зал замер в восхищении.

— Вы слишком любезны, милорд, — прошептала она, опустив ресницы.

Объявление о помолвке прозвучало, как погребальный звон. Грохот аплодисментов. Тосты. Её отец говорил что-то о чести и продолжении традиций. Кассиус ответил с изящной краткостью, пообещав «беречь этот редкий цветок». Лиане хотелось закричать.

Потом начались танцы. И, конечно, первый танец — с же-

нихом.

Он обнял её за талию, его рука легла на её спину с лёгким, но неоспоримым давлением. Её собственная рука покоилась на его плече, ощущая под тонкой тканью камзола твёрдые, тренированные мышцы. Так близко. Слишком близко. Она чувствовала тепло его тела, запах его кожи — тот самый, холодный, металлический оттенок, который теперь ассоциировался у неё только со страхом.

Музыка зазвучала — медленный, величественный павана. Они закружились. Его шаги были безупречны, он вёл её с такой уверенностью, словно она была не партнёршей, а марионеткой.

— Вы сегодня немного скованны, — заметил он тихо, наклоняясь так, что его губы почти касались её волос. — Всё ещё нездоровится?

В его голосе прозвучала лёгкая, испытующая нота. Он помнил её «слабость». Он наблюдал.

— Нет, милорд. Просто... волнение, — она заставила себя поднять на него глаза, встретить этот пронзительный взгляд. В глубине его зрачков, в отражении свечей, ей показалось, она увидела не её отражение, а схему, чертёж, сложную диаграмму из линий и символов. Руны. Её руны, которые он чертит вокруг неё.

— Не стоит волноваться, — сказал он, и его губы растянулись в улыбке. Красивую, чарующую улыбку, которую все вокруг считали признаком обожания. Но Лиана видела в ней

нечто иное. Хищный оскал. Удовлетворение зверя, уверенного, что добыча уже в капкане. — Скоро всё обретёт свой порядок. На своё место. Я позабочусь о том, чтобы ты чувствовала себя... как дома.

Слово «дом» прозвучало как угроза. Его дом. Его лаборатория. Его алтарь.

Они сделали ещё один поворот. Её взгляд скользнул по бальному залу, по сияющим лицам, по её родителям, принимающим поздравления. Они продали её. Они стояли там и улыбались. Внезапно ярость, которую она так тщательно сдерживала, прорвалась сквозь ледяную скорлупу. Не бурлящим потоком, а тихим, смертоносным холодом. Это больше не был страх. Это была ненависть. Чистая, кристаллизовавшаяся, беспощадная.

Она посмотрела на лицо Кассиуса, на эту красивую маску, скрывающую чудовище. Она почувствовала жар «Сердца Феникса» у своей груди, ответную пульсацию своему внутреннему огню. Огонь, который он так жаждал заполучить. Огонь, который она теперь понимала.

В этот миг, кружась в его объятиях под чарующие звуки музыки, Лиана де Вейль окончательно умерла. Осталась лишь оболочка, исполняющая последний танец. А внутри родилось нечто новое. Твёрдое, как алмаз, холодное, как сталь, и готовое сжечь всё на своём пути.

Танец закончился. Он отпустил её, поднёс её руку к губам для прощального поцелуя. На этот раз она не содрогнулась.

Её рука в его была холодной и неподвижной, как мрамор. Она лишь смотрела на него, и в её синих глазах, казалось, на мгновение отразилось не отражение зала, а далёкое, яростное пламя.

Он заметил это. Его брови чуть дрогнули. Любопытство? Настороженность?

Но ей было всё равно. Она сделала реверанс, отступила, растворилась в толпе гостей, принимая поздравления, отвечая улыбками, совершая все необходимые ритуалы. Но её разум уже был далеко. Он был в голубятне, в тёмных переулках, в будущем, где не было места ни Кассиусу Валтору, ни дому де Вейлей, ни этой бальной зале, пахнущей тлением.

Когда последний гость уехал, а слухи начали гасить свечи, она поднялась в свою комнату. Скинув тяжёлое платье и ненавистные украшения, она подошла к окну. Ночь была тёмной, безлунной. Идеальной.

Она прикоснулась к медальону. «Сердце Феникса» пульсировало ровно и мощно, словно второе сердце, заряженное её решимостью.

Она не просто решилась. Она приняла приговор. Приговор всему этому миру лжи, предательства и насилия. Её побег был не бегством. Это был первый манёвр в войне. Войне, в которой у неё не было армии, но было знание будущего, пробудившаяся магия и воля, закалённая смертью.

Она взглянула на свои руки — те самые, что только что дрожали в руке убийцы. Теперь они были спокойны. Она

сжала их в кулаки.

«До завтра, Кассиус. Спи спокойно в своей уверенности. Это последняя ночь, когда ты владеешь моей судьбой.»

И, повернувшись от окна, она начала готовиться к последнему шагу в своей старой жизни — шагу в неизвестность, из которого она намеревалась вернуться совсем другой. Или не вернуться вовсе, но уж точно — не оставить после себя пепла.

Дорогие читатели!

Сегодня хочу познакомить вас с последней книгой литмоба:

"Назад в прошлое. Я выбираю проклятого дракона" Евгения Медведская

https://litnet.com/shrt/4pX_

Глава 13

Время застыло, превратившись в тягучий, густой мёд. Каждый удар сердца отдавался в висках гулким отсчётом: последние часы, последние минуты. Бал отгремел, дом погрузился в непривычную, пьяную от усталости тишину. Где-то вдалеке звенела посуда, убираемая служками, но скоро и это стихло.

Лиана стояла посреди тёмной комнаты, одетая не в шелка, а в грубую шерсть и тёмный плащ. Мешок с немногими пожитками лежал у её ног. Она была готова. Тело её было напряжено, как тетива лука, но разум — холоден и ясен. Он работал с чёткостью механизма, запущенного волей.

Первый шаг был рискованным, но основанным на знании. Она помнила из прошлой жизни: двое с

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.